Коронакратия: Китай после COVID-19: Балансируя между противостоянием великих держав и международной стабильностью

Леве Пауль, Давид Меркле

Содержание

1 Ключевые выводы
2 «Битва нарративов» и попытки Китая к восстановить репутацию
3 Экономические перспективы: устойчивый рост в стране и за рубежом
4 Международная безопасность: принуждение и сотрудничество
5 Китайская активность за рубежом и технологические решения

Ключевые выводы

- Пандемия усилила ранее проявившиеся тенденции в международных отношениях. Предотвратитьдальнейшее ухудшение отношений между великими державами поможет способность к достижению консенсуса в отношении базовых ценностей и функционирования основных столпов имеющейся многосторонней системы.
- Двойственная внешнеполитическая стратегия Китая радикально меняет международную структуру. Это может дискредитировать положительную роль, которую играет многосторонняя дипломатия, поскольку она представляется все более «беззубой». Антагонизм между двумя великими державами снижает их потенциал в качестве важных площадок для принятия решений в области глобального управления.
- В китайской внешней политике увеличивается дихотомия между использованием средств принуждения (силовая политика) и позитивным вовлечением. Эти составляющие не могут рассматриваться по отдельности, и потому Китай будет выглядеть все более противоречиво в мировой политике.

К тому времени, как в октябре 2019 года Китай отметил 70-летие со дня основания КНР, в позицию США на международной арене президентом Дональдом Трампом уже были внесены существенные коррективы. Его открытое пренебрежение к

многосторонним институтам и политика, в основе которой лежит узость национальных интересов, заставило союзников сомневаться в том, что они могут рассчитывать на поддержку США в случае кризиса. В то же время Китай начал проявлять особую активность, формулируя свою роль в мире, с момента прихода к власти в 2012 году президента и председателя партии Си Цзиньпина. Он вывел амбиции Пекина на более высокий уровень, объявив, что Китай должен «занять центральное место в мире».

Китай преследует указанную цель различными путями: подчеркивает свое стремление к мировому технологическому лидерству; делает предложения, от которых многим странам трудно отказаться, в рамках инициативы «Пояс и Путь»; использует экономические рычаги как аргумент в свою пользу в международных дебатах; а также формирует многосторонние платформы, в которых Пекин занимает главенствующее положение. Стратегии Коммунистической партии прекрасно понимают, что КНР не имеет системы альянсов, которая могла бы соперничать с системой, созданной США. Вместо этого внимание было направлено на усиление влияния Китая путем изменения конфигурации международной структуры, которая, по мнению Пекина, характеризуется неравномерным распределением силы и функционирует исключительно в интересах Запада.

Поэтому Китай инициировал новые международные режимы, такие как Новый банк развития в 2014 году и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в 2015 году. И занялся продвижением сотрудничества со странами-соседями в Средней и Южной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), сосредоточившись на вопросах региональной безопасности. В то же время предпочтение, отдаваемое Китаем укреплению отношений с государствами Центральной и Восточной Европы под эгидой формата «17+1» или модели «АСЕАН+1», является примером стремления Пекина к глобальному взаимодействию на основе двух взаимодополняющих векторов.

«Битва нарративов» и попытки Китая к восстановить репутацию

Когда в начале 2020 года в провинции Хубэй обострилась ситуация с эпидемией коронавируса, попытки скрыть вспышку немедленно вызвали яростную критику даже в китайских социальных сетях, в отношении которых действует жесткая цензура. По мере того, как все больше стран становились жертвами пандемии, Китай мобилизовал свои ресурсы для активного формирования собственного нарратива по поводу кризиса. Пока большая часть западного мира пыталась

сдержать вирус, Китай популяризировал версию об успешном восстановлении контроля над ним и пытался возглавить глобальные усилия по оказанию помощи и поддержки.

> Как только пандемия поразила Европу в начале марта 2020 года, «дипломатия масок» – доставка медицинской помощи и оборудования – стала важной чертой, демонстрирующей добрую волю Китая, готового взять на себя ответственность в качестве глобальной державы.

Однако по мере того, как все больше представителей международного сообщества требовали провести независимое и прозрачное расследование причин вспышки вируса, позиционирование Китая стало сопровождаться жесткой риторикой и даже давлением. В том числе сообщениями и заявлениями китайских государственных СМИ и дипломатов с предупреждениями о том, что страны, открыто сомневающиеся и противостоящие официальному нарративу Пекина, могут нанести вред своим экономическим отношениям с Китаем.

Со временем выработался все более конфронтационный подход, подкрепленный серьезными обвинениями со стороны США и других государств. Они пришли к выводу, что, если бы Китай действовал прозрачно во время первой фазы вспышки в Ухане, последствия пандемии можно было бы свести к минимуму. Это даже вызвало рост напряженности в отношениях между Китаем и такими странами, как Австралия, Швеция и особенно США.

В ответ на пандемию правительствам приходилось принимать – и обосновывать – решения беспрецедентного масштаба и отрицательного воздействия. В этой ситуации самым ценным активом любого государства является доверие. Для КНР увеличение разрыва между внутренним доверием и отсутствием международного доверия является камнем преткновения на пути к глобальному лидерству. Например, политики во всем мире возмущены тем, что Китай блокирует принятие Тайваня в качестве члена ВОЗ. Особенно тогда, когда международное сотрудничество становится необходимой предпосылкой для преодоления глобального кризиса в области здравоохранения.

> Если внутри страны Пекин использует пандемию для укрепления национальной сплоченности и усиления контроля, то в мире усиливаются подозрения в том, насколько надежным и ответственным окажется Китай в будущем, если случится что-то подобное.

Экономические перспективы: устойчивый рост в стране и за рубежом

Экономика Китая по-прежнему значительно зависит от промышленного производства и экспорта сырьевых товаров. Поэтому сокращение глобального спроса из-за пандемии является серьезной проблемой для китайской модели экономического роста. Проблема стала актуальной еще и до пандемии, когда торговая война между США и Китаем привела к сбоям в китайских производственно-сбытовых цепочках. После того, как в первом квартале 2020 года ВВП Китая сократился на 6,8%, премьер-министр Ли Кэцян объявил на Всекитайском народном собрании в мае о принятии пакета стимулирующих мер для стабилизации экономики. Их объем соответствует 6,1% ВВП в номинальном выражении. Это достаточно скромно по сравнению с мерами, принятыми многими европейскими странами.

На фоне растущего соперничества между США и Китаем последний стремится продолжать наращивать свое присутствие на международной арене и гарантировать технологическую независимость от США. Роль Китая в качестве крупного торгового партнера для многих стран мира дает Пекину широкий набор инструментов для реализации своего влияния как в двусторонних отношениях, так и на многостороннем уровне. В рамках инициативы «Пояс и Путь» Китай диверсифицировал свои экономические и политические отношения, организовал торговые маршруты с выходом в гавани и торговые точки по всему миру, а также создал рамочные условия, в которых китайские компании могут осваивать новые рынки благодаря упрощенному доступу.

С точки зрения Китая, важной чертой взаимодействия с миром стала *связанность*, призванная способствовать экономическому росту в ранее достаточно изолированных странах и регионах.

> Пандемия будет иметь прогнозируемые колоссальные экономические последствия для стран Африки и других регионов, у которых значительная задолженность перед Китаем. Поэтому можно ожидать, что Пекин пойдет на облегчение долгового бремени и реорганизацию китайской модели кредитования.

Международная безопасность: принуждение и сотрудничество

В последнее время Китай посылает соседним странам сигналы о том, что китайские военные будут отстаивать интересы страны в отношении островов в Южно-Китайском море, являющихся предметом споров на двустороннем и международном уровнях. За этим последовали пограничные столкновения с индийскими войсками в Гималаях, а также более выраженные угрозы применения военной силы в отношении Тайваня. Стратегически китайские интересы в сфере безопасности уже не ограничиваются соседями Китая и постепенно следуют за растущим мировым присутствием китайских компаний и, следовательно, более обширными китайскими интересами за рубежом. Открытие первой зарубежной военной базы в Джибути знаменует собой начало нового этапа растущего присутствия Китая в глобальной архитектуре безопасности.

Поскольку Китай стал вторым в мире после США производителем оружия, сотрудничество в военной сфере, в частности совместные военные учения с армиями стран ШОС (особенно с Россией), стало довольно распространенным явлением. С 2015 года Китай сотрудничает и с Беларусью в разработке системы залпового огня «Полонез». Китай стал крупным игроком в сфере безопасности и в других регионах, например, в Западной Африке. Мотивация расширенного присутствия не может сводиться исключительно к экономическим интересам Китая в регионе. А скорее – к более активному участию в общей архитектуре безопасности на всем континенте, в том числе путем направления войск в рамках миротворческих операций ООН.

Китайская активность за рубежом и технологические решения

Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) стала для Китая важным катализатором продвижения новых технологических стандартов. К весьма показательным примерам относятся создание китайскими компаниями сети 5G в странах-партнерах инициативы; внедрение мобильных платежных решений за рубежом;

активизация усилий по созданию платформ, связанных с внедрением новых цифровых валютных решений; создание китайской спутниковой сети «Бэйдоу», которая получает все более широкое распространение в рамках ИПП. Вследствие COVID-19 можно ожидать, что Китай активизирует усилия под эгидой инициативы, чтобы создавать совместные площадки для сотрудничества в области здравоохранения и профилактики пандемии.

Для взаимодействия Китая со странами Центральной и Восточной Европы это означает, что Пекин столкнется со стратегической дилеммой.

> Поскольку ИПП не хватает четкой концептуальной проработки, и она могла бы скорее пониматься в качестве публичной дипломатии, посылаемые в ее рамках сигналы не смогут обеспечить четкое представление об основных намерениях Пекина.

Поэтому по мере развития китайских инициатив в регионе они все больше будут восприниматься как амбициозные конкурирующие альтернативы существующим механизмам регионального сотрудничества.

Леве Пауль *- референт по Южной Азии, Фонд им. Конрада Аденауэра (Германия).*

Давид Меркле *- референт по Китаю, Фонд им. Конрада Аденауэра (Германия).*

Публикация является частью проекта «Коронакратия: оценка долгосрочных последствий кризиса пандемии для международной безопасности». Проект реализуется Советом по международным отношениям «Минский диалог» и белорусским офисом Фонда им. Конрада Аденауэра. Содержание публикации отражает исключительно мнение автора.

Леве Пауль

Давид Меркле